

DOI: 10.31857/S032103910027551-9

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ XX–XXI веков. Часть II

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Во второй части статьи рассматриваются принципы постулирования в позднесоветской науке 1960–1980-х годов крупных периодов древней истории: выделение по экономическому признаку эпох крупных централизованных хозяйств (III тыс. до н.э.), парцеллярных хозяйств на государственной земле (II тыс. до н.э.), «приватизации экономики» (I тыс. до н.э.); выявление значимых тенденций духовной жизни на этапе «осевого времени» и конца древности; учет новых этнологических и археологических подходов в характеристике политогенеза. Можно констатировать фактическое прекращение разработки теоретических проблем истории древности в постсоветское время. В перспективе исследования рубежей древней истории необходимо выделить значимость определяющих их индустриальных, климатических и миграционных факторов, а также факторов, повлиявших на изменение мировоззренческой ситуации в «осевое время». Финал древней истории, по-видимому, зависел не столько от внутренней эволюции самих древних обществ, сколько от ряда ударов, обрушившихся на них извне.

Ключевые слова: древность, периодизация, Восток, античность, община, социальные отношения, пути развития, марксизм

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-19-50146 («Экспансия»).

STAGES OF ANCIENT HISTORY AND THE CRITERIA OF THEIR DEFINITION IN RUSSIAN AND SOVIET SCHOLARSHIP OF THE 20th AND 21st CENTURIES. Part II

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-19-50146

The second part of the article considers approaches to the definition of large periods of the ancient history in the Late Soviet scholarship of 1960–1980s: the economically based definition of the periods of large centralized estates (the third millennium BC), of the tenurial economy on state land (the second millennium BC) and of the ‘privatized’ economy (the first millennium BC); the definition of important spiritual trends at the ‘Axial time’ and at the end of antiquity; the use of new ethnological and archaeological achievements in characterizing the state-formation. The post-Soviet time saw a halt of the theoretical discussions in the domain of the ancient history. The prospect of researching the boundaries inside the ancient history seems to be connected with accounting for the factors of industry, climate and migrations as well as the factors determining the shifts in the worldview at the ‘Axial time’. The end of the ancient history probably depended not so much on the internal evolution of ancient societies as on the series of hammering that came on them from the outside.

Keywords: antiquity, historical periodisation, Ancient East, Ancient Greece, Rome, communities, society, paths of development, Marxism

4. БОЛЬШИЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ И ЕЕ НАЧАЛЬНЫЙ И КОНЕЧНЫЙ РУБЕЖИ В ИСТОРИОГРАФИИ 1960–1980-х годов

Оппонент И.М. Дьяконова в вопросе определения социально-экономического строя древнего Востока Г.А. Меликишвили построил свою позицию на основе таких характеристик общества, как типы организации хозяйства и отношений эксплуатации. По его мнению, нельзя сблизать преобладавшие там формы зависимости с рабством и жестко разделять «государственный» и «общинно-частный» секторы экономики: модель, по которой в той или иной мере эксплуатировалось все сельское население древневосточных монархий, ближе к крепостничеству и, стало быть, их строй в целом – к феодализму, т.е. к норме обществ древности и средневековья, на фоне которой античность с ее высоким развитием частной собственности, товарной экономики и классического рабства составляет исключение¹. Согласно Меликишвили, на начальном этапе истории Ближнего Востока в III тыс. до н.э. организация экономики была важнейшей функцией государства и приводила к созданию им крупных централизованных хозяйств (III

¹ Например: Melikishvili 1975; см. также Nikiforov 1977, 42–46; Diakonoff et al. 1989, I, 15. Аналогом этой позиции в мировой науке можно было бы считать концепцию «податного способа производства» П. Бриана: Briant 1982.

династия Ура в Месопотамии, Египет Древнего царства). В начале II тыс. до н.э. они «полностью исчерпали свои возможности, стали нерентабельными, и господствующей формой ведения хозяйства стало самостоятельное хозяйствование производителей на своих мелких участках»: спецификой второго периода истории Ближнего Востока стала эксплуатация производителей как на государственной, так и на номинально не принадлежавшей государству земле, а также «образование крупных торгово-ремесленных центров, располагавших порой определенным самоуправлением». Во второй половине II тыс. до н.э. появление конного дела привело к возникновению «“военных” (“военно-паразитических”) государств» (Египта Нового царства, касситской Вавилонии, Митанни, Хеттского царства), сменяющихся в I тыс. до н.э. «мировыми державами»; однако, исключая «рост удельного веса эксплуатации внешнего окружения», это не изменило самого характера отношений между эксплуатируемым населением и «всемогущим государством». Можно понять, что в рамках данной схемы они неизменны до средневековья включительно².

Построения Меликишвили уточнили внутреннюю периодизацию истории Ближнего Востока III–II тыс. до н.э. (ранней древности в «схеме Дьяконова»)³, хотя во многом стерли границы между этим этапом и временем I тыс. до н.э., а также в целом между древностью и средневековьем на Востоке. Однако специфика собственно I тыс. до н.э. была несколько стерта и в схеме Дьяконова, не подчеркнувшего такую черту этого времени, как повсеместную активизацию товарно-денежных отношений. Исходя из этого, а также из качественно более высокого развития рабства, нововавилонское общество сопоставляли с античностью В.В. Струве⁴ и В.А. Белявский (по его мнению, в I тыс. до н.э. в масштабах всей древней ойкумены произошла смена архаической формации античной, с товарной, а не натуральной экономикой и классовым, а не статусным делением общества)⁵. Фактографически экономика Месопотамии I тыс. до н.э. была наиболее полно изучена М.А. Дандамаевым: в теоретической статье уже постсоветского времени он показал, что отмеченная Меликишвили смена на рубеже III–II тыс. до н.э. крупных царских хозяйств совокупностью эксплуатируемых мелких в Месопотамии I тыс. до н.э. перешла в фазу «приватизации» – распространения на прежних государственных землях частных предпринимательских хозяйств (Дандамаев при этом оспаривал концепцию К. Поланьи, абсолютизирующую натуральный характер древней экономики)⁶. Суммировал наблюдения Меликишвили и Дандамаева уже в постсоветском учебном издании А.А. Немировский, выделив в истории древнего Востока «по социальному и экономическому облику» эпохи «формирования и доминирования крупных централизованных хозяйств», «доминирования мелких

² Melikishvili 1985.

³ В I томе «Всемирной истории» Дьяконов также отметил распад крупных царских хозяйств и смену их множеством мелких (правда, квалифицированных как частные рабовладельческие) в начале II тыс. до н.э.: Zhukov 1955–1965, I, 264.

⁴ Struve 1934, 70–75, 86; см. Ladynin 2023.

⁵ Belyavskiy 1971, 218–229; см. Krikh 2020, 253–264.

⁶ Dandamayev 2002.

хозяйств, подвергающихся государственной эксплуатации» и «роста товарно-денежных отношений и частной собственности»⁷.

Применительно к античности о развитии «товарно-денежных отношений до крайних пределов, совместимых с обществом простых производителей» говорила Е.М. Штаерман: более того, оговорив неприятие циклизма, она все же указала, что именно товарность экономики, а также полное отделение работника от средств производства и незавуалированный характер классовых противоречий и в античности, и при капитализме позволяют считать последний «отрицанием отрицания античности»⁸. Как Штаерман, так и Г.А. Кошеленко относились уважительно, но критически к влиятельным в мировой науке 1960–1970-х концепциям К. Поланьи, М. Финли и Э. Вилля, постулировавшим с большим или меньшим акцентом натуральный характер древней экономики и неприменимость к ней экономических категорий нового времени⁹. Правда, полемика советских ученых с этими авторами неизбежно смещалась к вопросу о применимости к античному обществу марксистских категорий отношений между классами и форм эксплуатации; но так или иначе, с определенными оговорками (о специфике античной формы собственности, отличной от «буржуазной» частной, о невозможности в древности экономической конкуренции и торговых войн между государствами, об ограниченности роста производительных сил и его достижении манипуляциями с рабочей силой, а не с технологиями), они приходили к признанию античности исторически первой формой высокоразвитого товарного хозяйства. При этом если статья Е.М. Штаерман в 1968 г. еще встретила с идеологической критикой¹⁰, то Г.А. Кошеленко в 1989 г. уже мог высказаться (правда, в менее обязывающем тексте послесловия к переводной книге) без обиняков: «Уже давно исследователи, занимающиеся самыми общими проблемами истории человеческого общества, обратили внимание на следующее обстоятельство: в некоторых отношениях феодальная формация напоминает первобытнообщинную, а рабовладельческая — капиталистическую»¹¹. Как видно, в «споре Мейера и Бюхера» позиция первого из них, несмотря на всю его критику в советской историографии, оказалась для ее представителей ближе¹², причем, как мы видели выше (см. первую часть нашей статьи), не только в позднесоветское время. Это закономерно, если учесть интенцию советского марксизма на познаваемость исторического процесса и выявление в нем прогрессивных этапов; однако при этом все равно слабо было оценено развитие товарного хозяйства не только в античном мире, но и по всей ойкумене I тыс. до н.э.

⁷ Bukharin et al. 2009, 31.

⁸ Shtaerman 1968, 667–668.

⁹ Shtaerman 1977; Koshelenko 1980.

¹⁰ Как и содержащий ее сборник в целом; см. о критических выступлениях А.И. Данилова Krikh 2013, 217–220.

¹¹ Levêque 1989, 248.

¹² «...Наше предпочтение мы скрывать не будем: оно всецело на стороне противников Бюхера — Эд. Мейера и его последователя в России М.И. Ростовцева» (Frolov 1999, 346–347).

Наконец, в 1970–1980-е годы при определении специфики I тыс. до н.э. уже нельзя было не учитывать иного, по сравнению с ранней древностью, состояния в это время мировоззрения. Мы уже говорили о слабом осмыслении его эволюции в раннесоветской науке и о попытках М.А. Коростовцева и И.М. Дьяконова ввести в советскую науку представления об особом мировоззрении архаики и о значении генезиса этических религий¹³. При этом в практическом изучении мировоззрения архаики (прежде всего, на древнем Ближнем Востоке) укрепились позиция признания за ним не столько иной по сравнению с современностью логики¹⁴, сколько иного уровня знаний о мире и иных принципов разграничения объективного и субъективного опыта¹⁵. Такой подход, отличный от общемирового, можно было бы связать с «аллергией» советской идеологии на немарксистские течения, в т.ч. структурализм, и вообще на акцентирование глубокой специфичности (как часто говорили, «непознаваемости») того или иного явления; однако его выработали ученые, не славившиеся уступками официозу. По-видимому, дело в более прямой и живой связи именно советской науки с классическим позитивизмом, которую скорее поощряли материализм и наукообразная форма марксистской доктрины. Появился ряд исследований перехода мировоззрения и культуры древности в середине I тыс. до н.э. в новое качество — формирования «пророческого монотеизма» в древнем Израиле¹⁶, возникновения историописания¹⁷, «культурного переворота» в Греции¹⁸. Однако «фронтальный» характер этой проблематики, ее актуальность для изучения данного этапа в развитии всей ойкумены осознаны не были: так, незаметно влияние на ее разработку идей К. Ясперса об «осевом времени»¹⁹, а в книге А.И. Зайцева (наиболее концептуальной из названных) сложение нового типа культуры в Греции на рубеже архаики и классики объясняется прежде всего локальными факторами — быстрым сломом традиционных структур и появлением новых социальных сил при формировании полиса (генетически концепция Зайцева вообще восходит к идее о «греческом чуде», в конце XX в. уже в какой-то мере антикварной).

За некоторыми исключениями (например, традиционной тематики религиозно-философских течений Индии и Китая) не проявлялся сколько-нибудь серьезный интерес к религиозным явлениям I тыс. до н.э. Примечательным образом,

¹³ Ladynin 2019, 809.

¹⁴ Правда, из этого исходил И.М. Дьяконов: Diakonoff 1983, 98–101 (обратим внимание, что в этом издании очень слабо намечена общая концепция и оно по преимуществу фактографично; см. Ladynin 2019); Diakonoff et al. 1989, I, 52–56; Diakonoff 1990, 9–83.

¹⁵ Klochkov 1983; Bol'shakov 2001, 38–62 (пример методологии ленинградской/петербургской школы египтологии, разработанной также в трудах Ю.Я. Перепелкина и О.Д. Берлева); ср. Bukharin et al. 2009, 16–23 (общая оценка А.А. Немировским концепций нетождества архаического и современного мышления).

¹⁶ Shifman 1987.

¹⁷ Nemirovskiy 1986; Weinberg 1993.

¹⁸ Zaytsev 1985.

¹⁹ Мы, разумеется, не считаем позицию Ясперса (Jaspers 2017, 17–33, 57–61) наиболее состоятельной оценкой изменений в мировоззрении поздней древности; однако ее выдвижение, безусловно, говорило о готовности гуманитарной науки к обсуждению этого круга проблем. См. ее довольно вульгарную критику в Shofman 1984, 162–167.

выявление в них некоей общей тенденции было актуально прежде всего для конца древности, когда появление новых массовых религий и идеологий могло быть симптомом кризиса общества. Отчасти такое их восприятие восходит еще к идеям Энгельса и представлениям раннесоветской науки о протестном начале в раннем христианстве²⁰; и действительно, мы видим это у Е.М. Штаерман, считавшей «идеологическую борьбу» более реальной формой сопротивления угнетенных, чем рабские восстания. Наряду с этим Штаерман полагала, что «тенденция ко все большему усилению идеологического контроля в масштабах империи» (и в перспективе, очевидно, к догматизации мировоззрения на религиозной основе) была ответом на это идеологическое сопротивление угнетенных²¹; и тогда религиозные новации поздней древности в разных их проявлениях встраивались в общую картину трансформации ее общества накануне средневековья. Нечто схожее заметно и у И.М. Дьяконова: если в социальном аспекте финал древности — это гибель свободной общины, то в мировоззренческом — возникновение ситуации, когда «господствующий класс, характерный для эпохи средневековья» воспринимает «те утешительные религиозно-этические учения, носителями которых были сами народные массы, но придает им жесткую догматическую форму»²². У такой постановки вопроса был и «идеологический» аспект, так как она позволяла переключить внимание с тематики классовой борьбы как таковой на как будто отражающий ее богатый материал религиозной жизни; однако при этом был в принципе верно выделен один из этапов мировоззренческого процесса, начавшегося с зарождения этических религий в середине I тыс. до н.э.

Ослабление идеологического прессинга позволило в 1970–1980-е годы пересмотреть ряд сюжетов, связанных с начальным и конечным рубежами древней истории — возникновением государства и цивилизации и переходом к средневековью. Для проблемы политогенеза это было нужно в силу накопления новых данных археологии и ухода этнологических концепций далеко вперед от известных Энгельсу; но полный разрыв с марксистской схемой был невозможен почти до конца советского времени. Попытки ее «адаптации» можно найти у Л.С. Васильева и В.М. Массона: первый в монографии о политогенезе в Китае на основе новой тогда литературы (трудов Кл. Леви-Стросса, Э. Сервиса и др.) выстроил схему эволюции систем распределения в позднепервобытных структурах, возникновения протогосударства-чифдома и в его рамках института власти-собственности (по тогдашним словам Васильева, описанного Марксом на восточном материале и более общего, чем институт частной собственности, генезис которого изучил Энгельс)²³. В.М. Массон по данным археологии Ближнего Востока и Средней Азии (как известно, изучение на их основе социальных процессов было начато Г. Чайлдом) выделил в эволюции производящего хозяйства несколько этапов: «период архаической экономики», на котором индустрия земледелия еще близка

²⁰ Metel' 2012, 36, 45–46, 48–55.

²¹ Shtaerman 1968, 645–646; ср. Shtaerman 1987, 214–215, 244–245, 292–294, 299–303, 307. Отметим осторожность Е.М. Штаерман в оценке влияния на «народную религию» восточных культов.

²² Diakonoff et al. 1989, III, 370; ср. Diakonoff, Utchenko 1970, 146.

²³ Vasil'ev 1983, 4–57.

присваивающему хозяйству; «время сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики», с развитым многоотраслевым земледелием и профессиональным ремеслом; и «период ремесел», когда они не только усложняются, но и появляются крупные поселения с монументальными постройками и складывается цивилизация. «Реверансы» периодизации поздней первобытности «по Моргану и Энгельсу» как бы подкреплялись соотношением «неолитической революции» с переходом, в их терминологии, от «дикости» к «варварству» и (менее явно) развития ремесла, прослеженного Массоном, с постулированным Энгельсом «вторым великим разделением труда»; однако, по сути дела, термины Энгельса были декорацией для введения в теоретическую схему понятий современной археологии²⁴. Оба ученых обошли вопрос, возникло ли государство из-за распада общества на антагонистические классы (в схеме Васильева эти явления как бы растворены друг в друге, а археологический материал Массона все же не отражал эти процессы напрямую), однако его не мог обойти И. М. Дьяконов в трехтомной «Истории древнего мира». Очерченная там схема противоречива: с одной стороны, в ней упомянуты «по Энгельсу» «великие разделения труда», а роль имущественного неравенства и насилия в возникновении государства подчеркнута даже эмоционально²⁵; с другой — среди его предпосылок выделена объективная потребность общества в наличии «лиц, освобожденных от производительного труда», а функция управления хозяйством у раннего государства подробно показана на примере Шумера²⁶. Примечательно, что Дьяконов остался в стороне от дискуссии 1989–1990 гг. вокруг тезиса Е. М. Штаерман о возникновении лишь в I в. до н.э. государства в Риме как аппарата классового насилия²⁷; сама же дискуссия, несмотря на ее аморфность, выявила неготовность ее участников ограничиваться этим «каноническим» определением²⁸.

О видении перехода от древности к средневековью в позднесоветской науке мы сказали уже много и теперь лишь суммируем важнейшие моменты: отказ от представления об этом этапе как о «революции», подкрепленный тезисами о зарождении ячеек феодализма в экономическом смысле этого термина еще в поздней древности, а также о большей роли религиозно-идеологических, а не «силовых» форм в классовом сопротивлении рабов на этом этапе; смещение акцента с изменения способа эксплуатации на утрату свободы древней общиной; придание значения догматизации возникавших в поздней древности этических

²⁴ Masson 1976, 177–187.

²⁵ «Это не значит, что общество сознательно освобождает от производительного труда именно наилучших организаторов, наиболее глубоких мыслителей, самых замечательных художников — отнюдь нет; излишек продукта, освобождающий от производительного труда, захватывают не те, которые способны его использовать наиболее рациональным образом, а те, кто смог. Те, в чьих руках кулачная, вооруженная или идеологическая сила, берут на себя и организационные задачи» (Diakonoff et al. 1989, I, 39). Похоже, что в некоторой безнадёжности этой формулировки прозвучала жизненная умудренность самого ученого.

²⁶ Diakonoff et al. 1989, I, 33–40; ср. с подачей материала культуры Убейда в Diakonoff 1983, 87.

²⁷ Shtaerman 1989.

²⁸ См. Krikh 2013, 239–254.

религий и учений. При этом в «схеме Дьяконова» обращалось внимание на деурбанизацию в раннем средневековье («Древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города»²⁹) и на то, что общества его периферии (Англия, Скандинавия, Русь) сначала воспроизводят характерные черты древности и лишь потом выравниваются под некий «общий уровень» (очевидно, заданный регионами древних цивилизаций)³⁰.

Подводя итог работе позднесоветской науки о древности по выявлению ее внутренних периодов и их рубежей, следует прежде всего отметить особенную роль в ней И.М. Дьяконова. Однако и общая тенденция в изучении древности как востоковедами, так и антиковедами состояла в том, чтобы, не прекращая социально-экономических штудий, перестать соотносить ее периоды с этапами в развитии рабовладения и всплесками классовой борьбы, связать их с эволюцией древней общины и в целом социально-политических институтов и на этой основе прийти к построению широкой схемы истории древней ойкумены в целом (в этом смысле показательны «переключки» между построениями Дьяконова и ученых, занимавшихся крито-микенской эпохой и ее финалом). Начался поиск альтернатив определению государства, данному советским марксизмом, хотя «социологическое» определение древности как эпохи если не рабства, то во всяком случае «внеэкономических» способов принуждения сохранило актуальность. Слабостью науки этого времени (в аспекте построения периодизации древности даже более существенной, чем сравнительно подчиненное положение изучения культуры и мировоззрения) было игнорирование факторов, не укладывающихся в социально-экономическую и политическую парадигмы, — прежде всего природных. Правда, И.М. Дьяконов пришел к необходимости отмечать их роль при изучении этнических процессов (по преимуществу в истории отдельных регионов)³¹; но они практически не заняли места в объяснении причин крупных кризисов, приводивших к смене исторических эпох.

5. РАЗВИТИЕ «СХЕМЫ ДЬЯКОНОВА» И ИНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РУБЕЖЕЙ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ УТОЧНЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ

Политические и идеологические изменения начала 1990-х годов привели к развороту научных приоритетов в сторону конкретных исследований (прежде всего не социально-экономической направленности) и широкого освоения опыта дореволюционной и мировой историографии: теоретические дискуссии предыдущих десятилетий, по сути дела, остановились. Вероятно, свою роль в этом

²⁹ Diakonoff et al. 1989, III, 11.

³⁰ Diakonoff 1971, 140 (ученый ссылается на работы А.Я. Гуревича; ср., однако, мнения А.И. Неусыхина о «дофеодальной» природе раннесредневековых обществ и В.И. Горемыкиной о рабовладельческом обществе Руси); Diakonoff et al. 1989, III, 370. В этом вопросе Дьяконов расходится с Е.М. Штаерман, как раз считавшей, что с начала н.э. у народов, вновь вступающих на путь классовобразования, уже не формируется рабовладельческий строй: Shtaerman 1957, 50–51.

³¹ См., например, о связи аридизации конца III тыс. до н.э. с миграциями сугиев-амореев и падением III династии Ура Diakonoff et al. 1989, I, 84.

сыграла и прямая смена поколений: Е.М. Штаерман умерла в 1991 г., И.М. Дьяконов, отошедший к этому времени, по его словам, от исследовательской работы³², — в 1999 г., и равных им теоретиков в науке о древности не появилось. Те наработки постсоветского времени, которые необходимо учитывать в построении периодизации древней истории, либо «достраивали» определенным образом «схему Дьяконова», либо привлекали внимание к факторам и аспектам исторического процесса, не учитывавшимся советской наукой, но тогда представляли собой не обобщения, а прежде всего конкретные исследования.

Безусловно, самую заметную попытку «достроить» «схему Дьяконова» сделал сам ее автор в книге «Пути истории», призванной, по его словам, скомпенсировать моральное старение марксистской концепции и представить ее альтернативой последовательность универсальных фаз исторического процесса, связанных этапами «фазовых переходов». В ходе них меняются «производственные отношения», причем для этого необходимо возникновение ситуации, в которой для народных масс «их социально-психологические ценности превратились в антиценности, а антиценности — в ценности», а также «введение принципиально новых технологий, в особенности производства оружия»³³. Был отторгнут такой атрибут советского марксизма, как отождествление древности и средневековья с рабовладельческой и феодальной формациями: Дьяконов отказался от принятого им же ранее обозначения «подневольных людей» древности «рабами “в широком смысле слова”»³⁴ и свел понятие феодализма к институту феода, по его словам, специфически европейскому³⁵. В первобытности Дьяконов выделил две фазы, с рубежом между ними по возникновению производящего хозяйства и появлением во второй из них сложных общественных структур — «чифдомов»³⁶ (соотнося эти фазы с «дикостью» и «варварством» Энгельса, он, по сути дела³⁷, повторил манипуляцию Массона). При этом в следующей, третьей фазе — ранней древности — фактически воспроизводятся черты мышления людей второй фазы: отсутствие в языке абстрактных понятий, использование для построения обобщений «тропов», образующих семантические ряды, объяснение причинно-следственных связей волей божеств, существование которых не поверяется разумом, а принимается на веру (здесь ученый воспроизводит идею нетождества архаического и современного мышлений, причем в сильно огрубленном варианте)³⁸.

Фактически обойдя вопрос о предпосылках возникновения государства, Дьяконов подчеркнул, что классы могли появиться только на этапе освоения металла³⁹ и что в начале ранней древности появляются города и крупные хозяйства⁴⁰; при этом он сильно расширил границы данной фазы, относя к ней, помимо

³² Diakonoff 1995, 741.

³³ Diakonoff 1994, 5–14.

³⁴ Diakonoff 1994, 31.

³⁵ Diakonoff 1994, 7–8.

³⁶ Diakonoff 1994, 23–25.

³⁷ Diakonoff 1994, 16.

³⁸ Diakonoff 1994, 19–20 (ср. наше прим. 14).

³⁹ Diakonoff 1994, 13.

⁴⁰ Diakonoff 1994, 27, 29.

собственно древних обществ, ранние государственности Японии «вплоть до периода Нара», Англии, Скандинавии и Руси, Африки VII–XVIII вв.⁴¹ Для Ближнего и Среднего Востока ученый постулировал в третьей фазе внутренний рубеж в конце III тыс. до н.э. (ср. с таким же рубежом в схеме Меликишвили): распад на этом этапе региональных государств Египта, Месопотамии и долины Инда «следует... приписать кризису в их бюрократической структуре, приведшему к экономическому хаосу»⁴². Примечательно, что Дьяконов не остановился специально на сознании людей ранней древности, полагая, что идеология ранних государств прямо встроилась в мировоззрение поздней первобытности⁴³. На четвертой фазе «имперской древности» было освоено железо и началось производство стали, что вызвало прогресс средств насилия: повторяя прежние объяснения генезиса империй, Дьяконов особо говорит о становлении в это время логического мышления, возникновении особых имперских пантеонов (тезис достаточно спорный) и учений «универсального, не локального характера, которые ставят во главу угла добро, этическое начало» (буддизм, конфуцианство, зороастризм, учение пророков, христианство)⁴⁴. Возникая как оппозиционные, эти учения затем догматизируются и становятся средством «освящения общественного устройства», что Дьяконов выделяет как важнейший признак перехода к средневековью – пятой фазе истории. Наряду с этим он обращает внимание на монополизацию оружия элитой, переход к эксплуатации ранее свободного крестьянства и начало экспансии «кочевых империй», вызванной (по явной аналогии с причинами генезиса империй I тыс. до н.э.) потребностью в обмене с цивилизованной ойкуменой (собственно, с подробного рассказа об этом Дьяконов начинает характеристику пятой фазы)⁴⁵.

«Пути истории» вызвали немало критики за многочисленные (особенно в главах, не относящихся к древности) фактические ошибки, а также скепсис по поводу заявленного в книге «преодоления марксизма»⁴⁶: прежние взгляды Дьяконова были в ней столь заметны, что скорее можно было поставить вопрос об их соответствии постулатам марксизма, при акцентировании в историческом процессе древности не борьбы классов, а эволюции общины и прогресса технологии⁴⁷. Бросается в глаза «снижение жанра» теоретических построений: по сути дела, эта книга – свободный трактат, а не академическая публикация⁴⁸. Примерно в той же форме старался развивать «схему Дьяконова» в 1990–2000-е годы его соавтор В.А. Якобсон, делая акцент на исключительной роли общины в облике древнего общества. По его

⁴¹ Diakonoff 1994, 38.

⁴² Diakonoff 1994, 39. Поразительно игнорирование при этом фактора климата, роль которого в падении III династии Ура Дьяконов знал.

⁴³ Diakonoff 1994, 36.

⁴⁴ Diakonoff 1994, 44–58.

⁴⁵ Diakonoff 1994, 65–71.

⁴⁶ См., например, взвешенную рецензию Arutyunov 1996 (мы не имеем возможности подробно учесть отклики не только на русское издание, но и на английский перевод этой книги); см. в целом Krikh, Metel' 2014, 145–194.

⁴⁷ См. Ladynin 2016, 26–27.

⁴⁸ Сам автор не случайно назвал работу над ней «большой авантюрой»: Diakonoff 1995, 741.

мнению, община была естественным, биологически заданным сообществом людей, которому противостояло государство как институт чисто социальный: это противостояние восходит еще к началу древности, когда в рамках первых региональных государств и задолго до сложения реальных империй возникает и имперская идеология⁴⁹. Определяя древность как эпоху «древнего гражданского»⁵⁰ (или даже «общинно-гражданского»⁵¹) общества, ученый пытался продемонстрировать сохранение общиной влияния на царей и даже возможности их сменять в течение всей древности, в том числе в империях I тыс. до н.э. Эпоха поздней древности «схемы Дьяконова» была уже прямо соотнесена с «осевым временем» К. Ясперса⁵², а финал древности определен точными датами для запада и востока ойкумены: в Римской империи она завершается эдиктом Каракаллы 212 г. н.э., даровавшим всем свободным римское гражданство и обесмыслившим этот общинный по своей основе институт, в Китае — присвоением в 202 г. до н.э. Лю Баном низшего ранга знатности всем главам семей общин, что инкорпорировало их в бюрократическую структуру⁵³. При этом ученый не скрывал ценностного восприятия противостояния общины и государства: второе представлялось ему началом давящим и генерирующим негативные явления (например, в условиях империй, национальную рознь)⁵⁴, однако после гибели древней общины во чреве «Левиафана», по завершении средневековья, «представительная форма правления... возрождает гражданское общество, но, разумеется, уже в новых формах»⁵⁵. Легко заметить слабости определения древности Якобсоном: дело не только в том, что отнюдь не везде вплоть до ее исхода община сохранила свое качество ячейки полноправных граждан (да и сам этот термин к ситуации древнего Востока применим лишь условно), но и в прямых натяжках при обосновании этого⁵⁶.

Падение качества аргументации этих теоретических построений как нельзя лучше показывает снижение запроса на них: по сути дела, отражающие их тексты

⁴⁹ Jakobson 2004.

⁵⁰ Diakonoff, Jakobson 1998, 24.

⁵¹ Jakobson 1997, 22; Sedov 2004, 52. В.А. Якобсон был редактором этих изданий, и ему принадлежат цитируемые здесь их разделы.

⁵² Diakonoff, Jakobson 1998, 24–25; ср. Jakobson 1997, 579–587; Sedov 2004, 54–55; Jakobson 2009, 153.

⁵³ Diakonoff, Jakobson 1998, 23; Jakobson 2009, 152.

⁵⁴ Jakobson 2004, 131.

⁵⁵ Diakonoff, Jakobson 1998, 29.

⁵⁶ Так, крайне спорно предложенное Дьяконовым и Якобсоном восприятие всего социума Египта, где сельской общины не было с III тыс. до н.э., как одной гигантской общины во главе с царем: Diakonoff, Jakobson 1998, 27; ср. Diakonoff 1994, 358. Стремясь же показать долгое сохранение городскими общинами Месопотамии суверенного права ставить на престол царей, Якобсон как будто не замечает, что в двух приведенных им примерах (времени Хаммурапи и Синаххериба) речь идет о ничего не доказывающей формальности, во втором случае еще и использованной для легитимации антиассирийского мятежа (Diakonoff, Jakobson 1998, 28). Эти аргументы приведены в статье, совместной с И.М. Дьяконовым, но они явно исходят от его соавтора, так как Дьяконов не приписывал гражданско-храмовым общинам I тыс. до н.э. какой-то особенной чисто политической роли. См. Ladynin 2021, 123–124.

Дьяконова и Якобсона 1990–2000-х годов воспринимались как изложение личной позиции очень чтимых ученых, которую не стоило судить по стандартным критериям оценки научной работы⁵⁷. Вместе с тем в конкретных исследованиях, по сути дела, уже с последнего советского десятилетия обозначились изменения в восприятии эпох и рубежей внутри древности. Пожалуй, наиболее явно это обнаружилось в изучении перехода римского государства от Республики к Империи: уже в 1980-е годы Е.М. Штаерман очертила проблему трансформации сознания римлян «от гражданина к подданному»⁵⁸, был поставлен традиционный для мировой историографии вопрос о соотношении в институтах принципата черт полиса и монархии⁵⁹, обсуждение которого привело уже в постсоветское время к обоснованию Я.Ю. Межерицким тезиса об особом этапе квазиобщины в истории Рима с III–II вв. до н.э. и о ее трансформации в «республиканскую монархию» Августом⁶⁰. Этот тезис представлял собой определенную крайность и был встречен в том числе и критически, однако восприятие принципата как системы, не сменяющей римскую *civitas* в качестве альтернативы ей, а инкорпорирующей ее, обнаруживается и у других исследователей⁶¹. Как политический процесс, в отличие от взгляда Е.М. Штаерман, оказывается теперь воспринят кризис III в. в Римской империи⁶². Восприятие истории древней Греции сугубо как процесса эволюции полиса и параллельных изменений при этом в сознании представлено в работах И.Е. Сурикова: разграничение эпох архаики и классики проведено им прежде всего по институциональному признаку, однако классический полис признан (весьма эмоционально) короткоживущей и исключительно совершенной формой человеческого сообщества («постгосударством»), с гармоничным сочетанием в нем особых социальной структуры и сознания граждан. За его гибелью идет «откат» к обычному для древности типу государственности, к бюрократическим монархиям», причем ключевым фактором в этом считается трансформация общественного сознания «от гражданина к подданному» (по явной аналогии с постановкой проблемы Штаерман)⁶³. Примечательным образом, в работах С.Ю. Сапрыкина прослеживается, хотя и не вполне явно, восприятие эллинизма как не конкретно-исторического (согласно К.К. Зельину), а именно стадийного явления, характеризующегося прежде всего спецификой экономической и политической структуры его государств, и ставится вопрос о продолжении этого периода в Причерноморье вплоть до первых веков н.э.⁶⁴ Можно сказать, что

⁵⁷ Правда, одна из статей В.А. Якобсона, изначально поданная в «Вестник древней истории» (см. Diakonoff, Jakobson 1998, 24, п. 5), в итоге была опубликована в сборнике научных трудов, весьма вероятно, с менее тщательной процедурой научного редактирования (Jakobson 2004).

⁵⁸ Shtaerman 1985.

⁵⁹ Egorov 1985.

⁶⁰ Работа, подводящая итог исследованиям, шедшим с 1990-х годов: Mezheritskiy 2016.

⁶¹ Makhlayuk 2015; Dement'eva 2017; Smyshlyaev 2017.

⁶² Sergeev 1999. Эту работу, вышедшую в Харькове, разумеется, нужно оценивать в общем контексте русскоязычной историографии.

⁶³ Surikov 2010, 42–43; ср. Surikov 2015, 19–68.

⁶⁴ Saprykin 2017.

восприятие эволюции полиса и связанных с ним форм государственности как детерминанты античной истории, берущее начало в науке 1950–1960-х годов, приобретает новое качество в постсоветское время. Кроме того, в самом его начале была предложена убедительная трактовка понятия «постэллинизм», крайне обтекаемого в зарубежной литературе: «эпоха эллинизма — это время политического господства греков, а постэллинизм — это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения»⁶⁵ (сообразно этому, данный термин относится прежде всего к государствам Востока, сложившимся окончательно после Апамейского мира 188 г. до н.э.).

Выше мы мало сказали об интеграции в общие схемы периодизации этапов древней истории таких макрорегионов, как Индия и Китай. Специфика исторического процесса в этих регионах порождала трудности в его осмыслении, отмеченные И.М. Дьяконовым (см. первую часть нашей статьи, прим. 89), но отчасти компенсировалась наличием в нем внутренних рубежей, совершенно очевидных (например, фиксируемого археологически финала эпохи Хараппы и начала затем качественно иной культуры после прихода индоариев) или выделяемых традиционно (между культурно-историческими эпохами в Индии, династиями — в Китае). Однако была важной независимо от идеологических тенденций и осталась актуальной в постсоветское время проблема определения для обоих этих регионов конечного рубежа древности. Условность его установления по событиям (вторжению гуннов-эфталитов и падению державы Гуптов в VI в. в Индии, концу династии Восточная Хань в 220 г. н.э. в Китае) заставляла искать перемены в обществе этих регионов, соотносимые с рубежом древности и средневековья⁶⁶, причем, разумеется, уже не на уровне сопоставления восстания «желтых повязок» с «революционными» движениями в поздней Римской империи. Л.Б. Алаев на основе исследований 1970–1990-х годов выделил такие признаки начала средневековья в Индии V–VI вв., как становление индуизма и замещение им буддизма, формирование в окончательном виде кастовой системы, изменение статуса варн вайшьев и шудр, натурализация экономики в силу целого комплекса факторов, действовавших на территории Старого Света, распространение крупного частного землевладения и дарения деревень, свидетельствующего о попадании сельских общин в частную зависимость⁶⁷. Вместе с тем А.А. Вигасин обратил внимание, что последнее явление наблюдается уже по «Артхашастре Каутильи», т.е., очевидно, около начала н.э.⁶⁸ Применительно к Китаю фактором ослабления имперской власти в период Восточной Хань традиционно считалось возвышение т.н. «сильных домов», сопоставлявшееся с процессом феодализации⁶⁹; но на деле этот процесс растянулся на всю эпоху Хань и был не столько трансформацией, сколько завершением формирования древнего общества вследствие «распада общинно-родового строя и развития классовых отношений» (причем сами эти структуры моделировались

⁶⁵ Gaibov et al. 1992, 31.

⁶⁶ С позиций дореволюционной науки такого рубежа здесь могло вообще не быть: Lodynin 2019, 797.

⁶⁷ Alaev 2003, 10–17.

⁶⁸ Vigasin 1993, 74–75.

⁶⁹ Diakonoff et al. 1989, III, 171–172, 176–177.

по образцу архаичных, восходящих к первобытности общин и кланов)⁷⁰. Думается, материал этих регионов позволяет особенно отчетливо поставить вопрос о том, в какой мере такие процессы следует считать предвестием или первой фазой новой эпохи, а не частью тенденций, свойственных самой древности (см. далее). Кроме того, еще в 1980-е годы была уяснена значимость в истории Китая демографических циклов, и эпоха первых империй была осмыслена как первый из них; соответственно, конец древности — как ее завершение⁷¹.

Наконец, именно на постсоветском этапе обозначился серьезный интерес к такому фактору, предопределяющему наступление ряда этапов в истории древности, как флюктуации климата. Появляются книги, посвященные влиянию климата и иных природных процессов на водный режим Нила и историю древнего Египта⁷², фактору климата в истории классической Греции⁷³; долгопериодические колебания климата учитываются при интерпретации археологических процессов⁷⁴. Однако схемы исторического процесса «большой протяженности» с учетом даже хорошо известных климатических явлений или крупных миграций, по сути дела, не появляются.

Общую схему древней истории, отражающую текущее состояние науки, было бы естественно искать в I томе «Всемирной истории», вышедшем в 2011 г., однако такой поиск увенчается неудачей. Разделение тома на две большие части — «Ранняя древность» и «Поздняя древность», — казалось бы, отсылает к «схеме Дьяконова», однако внятное обоснование этого отсутствует. Применительно к древнему Востоку А.А. Немировский сделал важные уточнения об этапах нарастания системности в межрегиональных отношениях на Ближнем Востоке II тыс. до н.э. (в т.ч. о значении в этом больших миграций), о Позднебронзовом веке как эпохе взаимодействия в этом регионе нескольких крупнейших акторов, о специфике мировых держав I тыс. до н.э. (эволюции их структуры, роли в их становлении стремления купцов расширить ареал торговли, явлениях «имперского народа» и «имперского языка»)⁷⁵; однако более широких обобщений по истории древнего Востока и вообще ранней древности в издании нет. В начале раздела по античной истории приведена ее периодизация, общая для Греции и для Рима; однако она открывается первым периодом крито-микенской цивилизации, не принадлежащей античности, а далее довольно четко распадается на «греческую» (2–3 периоды) и «римскую» (4–7 периоды) части, так что теряется начало римской истории, а объединение Римом Италии, как и Македонией — Греции, объясняется кризисом полиса⁷⁶. Нет обоснования какой-либо общей схемы и в заключении, уделяющем главное внимание соотносению в древности понятий «Восток» и «Запад»

⁷⁰ Malyavin 2007, 106–114. Первое издание этой книги под названием «Гибель древней империи» вышло в 1983 г.

⁷¹ Malyavin 2007, 183.

⁷² Prusakov 1999.

⁷³ Karpyuk 2010.

⁷⁴ Например, Amirov 2010, 56–63.

⁷⁵ Chubaryan 2011–2017, I, 222–231, 251–255.

⁷⁶ Chubaryan 2011–2017, I, 403–405; см. критические замечания: Surikov 2018, 16–19.

и явлениям «осевого времени» в обеих этих частях ойкумены⁷⁷. Столь откровенное пренебрежение общим видением истории древности как нельзя лучше показывает его не востребованность, скорее, не столько аудиторией этого издания, сколько его составителями, проявившими себя прежде всего в конкретных исследованиях.

Завершая разговор об опыте выделения этапов истории древности в нашей науке, следует, с одной стороны, отметить незавершенность этой работы и, с другой, высказать мысли о том, по каким направлениям, уже отчетливо намеченным в опыте отечественных и зарубежных исследователей, она может продолжиться. В свое время Ю.И. Семенов отнес к недостаткам «Путей истории» И.М. Дьяконова выделение фаз исторического процесса по меняющимся критериям и постулирование его принципиального единства по всей ойкумене⁷⁸. На наш взгляд, дело обстоит «с точностью до наоборот»: нет сомнений, что периодизация как истории в целом, так и ее больших разделов должна определяться максимально широкими, в идеале универсальными, закономерностями (разумеется, с признанием конкретности их проявлений в разных регионах), а однофакторной быть как раз не должна. Даже с позиций чисто материалистического восприятия исторического процесса сегодня можно уверенно говорить по крайней мере о еще одном объективном и мощном его факторе, помимо развития технологий и производства, — климатическом. Наша положительная оценка «схемы Дьяконова» очевидна из сказанного выше: прежде всего, оправдало себя выделение двух больших периодов древней истории, которое не зависит от ее традиционного деления на истории Востока, Греции и Рима и от этапов внутри них и при этом проведено по критериям не только эволюции индустрии и социально-политических институтов, но и изменений в мировоззрении людей. Существенно, что, хотя разработка этой двухчастной схемы в деталях — заслуга Дьяконова, интенцию в направлении к ней мы заметили и у его предшественников (пожалуй, особенно явно у О.В. Кудрявцева). Однако современный уровень науки о древности, безусловно, предоставляет возможности для совершенствования этой схемы с учетом большего числа факторов исторического процесса: кстати, такая «многофакторность» и включает привязку периодизации к какой-то одной «руководящей» теории.

Выше мы согласились с проведением рубежей в истории древнего Ближнего Востока с точки зрения его экономического развития по концу III — началу II тыс. до н.э.⁷⁹ и примерно по началу I тыс. до н.э. На наш взгляд, следует проговорить до конца зависимость наступления этих этапов от изменений в технологии: если в условиях медно-каменного века до конца III тыс. до н.э. в ранних государствах было необходимо (в Египте и Передней Азии, прежде всего в Месопотамии) функционирование крупных централизованных хозяйств, то переход к бронзовому веку сделал возможными их дробление и эксплуатацию

⁷⁷ Chubaryan 2011–2017, I, 754–759.

⁷⁸ Semenov 1996.

⁷⁹ Стоит заметить, что в древнем Египте рубежное значение начала II тыс. до н.э. было осознано совершенно адекватно: цари начала XII династии, в особенности Сенусерт I, считались устроителями египетского общества на весь период вплоть до конца XIX династии, а в определенной мере и на дальнейшую перспективу: Ladyšin 2017, 162–205.

государством мелких хозяйств-парцелл; а начало железного века имело своим следствием резкое повышение мощности частных хозяйств, рост городской экономики, повышение товарности экономики в целом и широкое развитие межрегиональной торговли. Думается, не до конца осмыслено единство последнего процесса по всей ойкумене: становление товарной экономики наблюдается как в Греции эпохи архаики и в Нововавилонском царстве, так и в Индии буддистского периода и в Китае эпохи Чжаньго, причем оно напрямую зависит от темпов освоения данным регионом железа (в Китае, где железо осваивается ок. V в. до н.э., последствия этого и наблюдаются позже, чем на западе ойкумены). Таким образом, за вторым из этих рубежей следует новый период в истории не только Ближнего Востока, но и всей древней ойкумены; что касается первого рубежа, он един по крайней мере для ее древнейших цивилизационных центров.

Вместе с тем «индустриальный» фактор в смене этих этапов мощно дополняется двумя другими — климатическим и миграционным. Современной палеоклиматологии известны практически совпадающие с ними этапы аридизации — «климатическое событие 4200 лет т.н.», приведшее в Египте к снижению уровня разливов Нила и тяжелому кризису, а в Месопотамии к кризису Аккадской династии и затем к падению III династии Ура вследствие миграции амореев из пересохшей Сирийско-Месопотамской степи⁸⁰, и «климатическое событие 3200 лет т.н.», ставшее частью т.н. «коллапса Позднебронзового века» в Восточном Средиземноморье⁸¹. Последний включает в себя миграции «народов моря» по Восточному Средиземноморью до Египта, палеобалканцев в Малую Азию, дорийцев в Грецию; синхронны с этим кризисом, хотя и более растянуты во времени, миграции арамеов из Северной Аравии на Ближний Восток, сказавшиеся на ситуации в Месопотамии. Значение некоторых миграций (например, дорийской) для смены исторических эпох общеизвестно (прежде всего в Греции и Индии), других — менее очевидно⁸²; кроме того, еще предстоит оценить воздействие более ранних миграционных процессов на историю соответствующих этапов ранней древности (например, крупных, охвативших практически всю ойкумену перемещений народов в XVIII в. до н.э.). Однако в целом роль как климатических, так и миграционных кризисов состояла в том, что они приводили к тяжелым потрясениям существовавших на данном этапе социально-политических структур и делали возможным и необходимым их восстановление уже на новой основе. По меньшей мере в двух случаях — в Индии и в Греции — это привело к полному слому общества бронзового века и к формированию принципиально иного пути развития.

⁸⁰ Dalfes et al. 1996; Prusakov 1999, 100–142; Weiss 2017, 93–160. Воздействие этого же климатического события на цивилизацию Хараппы и очаг древнекитайской цивилизации признается многими исследователями, но в оценке его характера, как кажется, пока меньше определенности. Здесь и далее работы по палеоклиматологии, на сегодняшний день чрезвычайно многочисленные в зарубежной литературе, цитируются выборочно.

⁸¹ Cline 2014, 139–170; Weiss 2017, 161–182.

⁸² См., например, мнение о том, что разрушение Хеттского царства «народом моря» открыло доступ к бывшим под его контролем месторождениям железа и ускорило переход к железному веку на Ближнем Востоке: Diakonoff et al. 1989, II, 5–6.

Поэтому значимость этих факторов в наступлении новых исторических этапов трудно переоценить.

Кроме того, внутри периода ранней древности приходится выделить еще один специфический подпериод, а именно Позднебронзовый век (вторая половина II тыс. до н.э.): один из критериев его выделения — проявившаяся впервые системность в геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в Эгейском бассейне — был должным образом отмечен еще Г. Масперо, посвятившим ему II том своего труда о «классическом Востоке» под названием «Первые смешения народов»⁸³. Вместе с тем дело не только в этой тенденции, предпосылкой которой была достаточно тесная интеграция Восточного Средиземноморья в Среднебронзовый век: это время приносит еще и серьезные изменения в духовную жизнь древнейших цивилизаций. Тогда в Месопотамии окончательно обретает силу т.н. «личная религия»; в Египте, помимо краткого, но значимого эпизода реформы Эхнатона, заметны становление настоящего религиозного нарратива в последовательных описаниях богов и изложениях сюжетов мифов, большее ощущение посмертной зависимости от богов, попытки не опосредованных ритуальной функцией царя контактов с ними («личное благочестие») ⁸⁴. Актуальность восприятия мира как поля взаимодействия его сил, представленных в богах, которыми человек может манипулировать, явно снижается (в Египте это видно по фактическому уходу из обеспечения посмертной судьбы модели т.н. «мира-двойника» III тыс. до н.э.), а его прямого предстояния перед ними, видимо, возрастает. С оговорками (по поводу того, что традиционное ритуальное взаимодействие с богами остается в религии структурообразующим) такую ситуацию в духовной жизни Позднебронзового века можно назвать «предосевой», и, действительно, ряд тенденций I тыс. до н.э. должны быть с ней связаны⁸⁵.

Что касается поздней древности, то ее оценка как времени становления межрегиональных держав справедлива и потому, что во многом так считали ее современники (мы имеем в виду представление греческих авторов о «царстве Азии» и его аналоги на Ближнем Востоке⁸⁶). Думается, что в оценке предпосылок к этому акцент нужно решительно сместить на наступление железного века и последовавший качественный рост экономических связей между регионами, для чего империи предоставляли оптимальную инфраструктуру. С этой точки зрения необходимо выделить особый подпериод, продолжающийся с эпохи эллинизма (когда устанавливается морское сообщение с Индией) и вплоть до конца поздней древности: тогда системность по крайней мере в экономических контактах между регионами распространяется на всю ойкумену. Вместе с тем особенности духовной жизни этого периода в целом совпадают с содержанием понятия «осевого времени»

⁸³ Maspero 1897.

⁸⁴ Jacobsen 1976, 145–164; Diakonoff 1983, 453; Klochkov 1983, 60–152; Assmann 1984, 221–281; Bol'shakov 2003, 17–20 (о проникновении изображений богов в оформление гробниц Нового царства).

⁸⁵ Не раз отмечалось сходство мотивов и образов месопотамских текстов «невинных страдальцев» и Книги Иова (Lambert 1996, 23, 27), большого гимна Эхнатона и псалма 104 (Assmann 1984, 247).

⁸⁶ Ladynin 2017, 143–144.

у К. Яспера: это, с одной стороны, итоговая дифференциация духовной деятельности людей на науку (включая философскую разработку ее методологии), творчество и религию (следует учитывать, что этот процесс не ограничивается античным миром, а оказывается общемировым, проявляясь особенно заметно в Индии и Китае); с другой стороны, становление этических религий и концепций, которые на заключительном этапе древности уже доминируют в сознании людей.

Выделяя «предосевые» и «осевые» явления в сознании людей, невозможно не обсуждать их предпосылки и при этом не коснуться вопроса о связи состояния духовной сферы с объективными факторами в развитии общества. На наш взгляд, уже на этапе Позднебронзового века люди должны были меньше, чем прежде, ощущать зависимость своей жизни от природы, и это ощущение еще сократилось с освоением железа; сообразно этому, должно было уменьшиться и ощущение наущности чисто прагматического ритуального взаимодействия с богами. С другой стороны, при качественном в условиях железного века росте частного начала в экономике и в социальных отношениях общества I тыс. до н.э. стали гораздо более конкурентными, институты солидарности в них ослабли — и все это при нарастающей мобильности, когда в условиях империй и их экспансии человек мог оторваться от своей социальной ячейки и своей родины как по воле завоевателя, так и в силу собственных занятий. Востребованность этического начала религии в условиях неустроенности людей в обществе хорошо видна, к примеру, по становлению культа Осириса как бога посмертного воздаяния в Египте I Переходного периода; думается, что такую компенсаторную функцию в условиях поздней древности должны были выполнять и этические учения (пример пророческого иудаизма показывает, что они могли и предлагать практическую программу выхода общества из такой неустроенности⁸⁷). Очевидно, что эта функция стала максимально востребованной, а этические учения одержали победу над архаическими религиями на том заключительном этапе поздней древности, когда общинные институты окончательно стали лишь интегральными составляющими в составе имперских структур (характерным образом, этот этап совпадает по времени со сложением системных контактов по всей ойкумене). Сказанное относится к становлению «осевых религий» в условиях поздней древности; что же касается «предосевых» тенденций Позднебронзового века, подробное осмысление их предпосылок пока лежит в будущем.

Наконец, в отечественной историографии далеко не завершена работа по определению сущности начального и конечного рубежей истории древности. Что касается первого из них — этапа политогенеза, — перспективна его оценка, в соответствии с наметками И.М. Дьяконова, как этапа в разделении труда, на котором в обществе возникают организационные функции (в управлении хозяйством или военной сферой). В современных работах подробно обсуждается применение к оценке этого процесса этнологических моделей⁸⁸, однако их использование на материале, например, древнего Ближнего Востока порождает двойную проблему: с одной стороны, процессы политогенеза (особенно в IV тыс. до н.э.) почти не отражены в письменных

⁸⁷ Shifman 1987, 21–72.

⁸⁸ Kradin 2004, 149–192.

источниках, с другой — исследователи их теоретических аспектов редко профессионально владеют материалом древних источников, а историки древности, наоборот, теоретическими моделями⁸⁹. Кроме того, опять же по мнению климатологов, стоит, видимо, учитывать возможное ускорение развития ирригационных систем и организующих их структур в Египте и Месопотамии под воздействием аридизации Северной Африки и Ближнего Востока в IV тыс. до н.э.⁹⁰

Что касается финала древности, то, как мы видели выше, для поздней и отчасти постсоветской историографии он во многом сводился к исчезновению свободной общины. Одна из возникающих при этом проблем состоит в определении самого этого понятия применительно к древности. Древняя община была свободна экономически, если не подвергалась эксплуатации, и политически — если была независимым государством. Сочетание того и другого дает классический полис — «идеальную модель» свободной общины, — однако, как мы говорили, его существование кратковременно: уже в эпоху эллинизма полисы встраиваются в более обширные структуры (в том числе в эллинистические царства), а полисы и муниципии в составе Римской империи, несомненно, были низовым элементом общеимперской системы управления (в частности, агентами налогообложения своих граждан). На Востоке сельские общины изначально несли если не налоги, то повинности, а далее подпадали и под систематическую эксплуатацию: в Передней Азии их члены стали платить государству ренту наряду с прочими зависимыми; в Египте общинники полностью влились в государственные хозяйства уже в III тыс. до н.э.; в Китае община явно эксплуатировалась государством еще до акта Лю Бана, встроившего ее в бюрократическую структуру, а кроме того, попадала в зависимость от глав «сильных домов»; в Индии она начинает попадать в частную зависимость, видимо, еще на рубеже н.э., и, очевидно, что-то схожее было и в Парфии⁹¹. Гражданско-храмовые общины на Востоке I тыс. до н.э. при своих привилегиях не имели политической независимости и в любом случае были лишь небольшим элитарным островком в море податного населения. Для ряда обществ значимым рубежом был тот, после которого членство в общине само по себе перестало означать полноправие; но нельзя недооценивать, насколько он был подготовлен предыдущим достаточно длительным развитием, тем более что если в Риме он действительно соответствует концу древности — времени эдикта Каракаллы и деления общества на *honestiores* и *humiliores*, — то в Передней Азии сельские общины прошли его по меньшей мере на полтора тысячелетия раньше. Для средневековья, в отличие от древности, как будто более характерна частная, а не государственная зависимость общин земледельцев; однако и этот важный нюанс не мешает считать само попадание общины в политическую зависимость и под эксплуатацию (где-то в силу конкретных условий государственную, где-то частную) не симптомом новой эпохи, а итогом развития, укладывающегося в рамки древности. Разумеется, важное явление, связываемое с финалом

⁸⁹ См. редкие примеры совмещения этих двух «компетенций»: Trigger 2003; Lloyd 2014, 52–57 (применительно к материалу додинастического Египта).

⁹⁰ Clarke et al. 2016.

⁹¹ Gaibov et al. 1992, 49.

древности, — это догматизация и интеграция в официальную идеологию этических течений; однако если с христианством и зороастризмом это произошло действительно лишь при доминате и в сасанидском Иране, то с конфуцианством — еще при Западной Хань во II в. до н.э., причем и в Индии, и в Китае такие духовные изменения не привели к резкому культурному обрыву и, соответственно, не обозначили границы между эпохами. Очевидно, нужно тщательно разбираться, в какой мере на такие явления в каждом регионе воздействуют факторы идеологического оформления менее свободного общества (в Римской империи это явно сыграло свою роль), развития тенденций, обозначившихся с началом «осевого времени», и потребности в унификации мировоззрения в макрорегионах с интенсивными внутренними связями и «перемешиванием» носителей очень разных культур.

Похоже, важный симптом рубежа древности и средневековья если не во всех, то во многих регионах ойкумены — угасание городской жизни и натурализация экономики; однако при этом возникает вопрос об их конкретных предпосылках. По-видимому, уже для начала кризиса III в. в Римской империи нужно учитывать такие факторы, как «Антонинова чума» конца II в. и конец климатического оптимума, в течение которого развивалась Ранняя империя⁹²; на этапе же IV–V вв. все макрорегионы Старого Света столкнулись в той или иной мере с Великим переселением народов (получив импульс, видимо, опять же от климатических изменений середины IV в. в Восточной Азии)⁹³, оно обусловило гибель Западной Римской империи, державы Гуптов и многие проблемы времени Шести династий в Китае). Менее ощутимо оно было в Восточной Римской империи и в государстве Сасанидов; однако в VI в. практически вся ойкумена сталкивается с тяжелейшим климатическим бедствием 535–536 гг., вскоре «дополненным» эпидемией чумы⁹⁴, а в VII в. ситуация на Ближнем Востоке резко меняется из-за арабского завоевания. Иными словами, рубеж между древностью и средневековьем был с разной степенью резкости, но по всему Старому Свету прочерчен потрясениями, вовсе не предопределенными собственно развитием общества, однако вызвавшими слом его прежней структуры и необходимость ее восстановления в изменившихся условиях (в том числе резко к худшему, с примитивизацией экономики и уклада жизни) и при участии новых акторов. Среди последних особую роль в течение почти всего средневековья играли «кочевые империи», возникшие лишь в конце древности (по сути дела, единственным ее обществом, столкнувшимся с этим фактором, был ханьский Китай)⁹⁵. Как известно, история не знает сослагательного наклонения, но его и не приходится употреблять для оценки того, как развивалось бы общество поздней древности без этих потрясений: показательные примеры этого дают и Римская империя IV в., и государство Сасанидов.

В заключение вернемся к одному моменту, затронутому в начале нашей статьи. Если долгое время периодизация истории древности так или иначе была связана

⁹² Bruun 2007; McCormick et al. 2012, 180–185.

⁹³ McCormick et al. 2012, 190.

⁹⁴ Gunn 2000; Little 2007.

⁹⁵ Chubaryan 2011–2017, II, 10–12, 71–83, 273–282, 342–348, 490–498, 611–633.

с ее делением на историю древнего Востока и античности, включая древнюю Грецию, эллинизм и Рим, то сейчас можно уверенно сказать, что эти понятия не имеют периодизационного значения, а эпохи, выделяемые традиционно внутри истории Древней Греции и Рима (как и Индии и Китая), стоит рассматривать в широком сопоставлении с развитием других регионов. Обсуждение критериев выделения рубежей древности и эпох внутри нее, безусловно, продолжится, но его основой, видимо, еще долго могут служить наработки, сделанные к концу советского времени.

Литература / References

- Alaev, L.B. 2003: *Srednevekovaya Indiya [Medieval India]*. Saint Petersburg.
Алаев, Л.Б. *Средневековая Индия*. СПб.
- Amirov, Sh.N. 2010: *Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV–III tys. do n.e. [Khaburian Steppe in the Northern Mesopotamia during 4th–3rd Millennium BC]*. Moscow.
Амиров, Ш.Н. *Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н.э.* М.
- Arutyunov, S.A. 1996: [Rev.: I.M. Diakonoff. Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays. Moscow, 1994]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]* 2, 167–170.
Арутюнов, С.А. Рец.: И.М. Дьяконов. Пути истории: от древнейшего человека до настоящих дней. М., 1994. *Этнографическое обозрение* 2, 167–170.
- Assmann, J. 1984: *Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer frühen Hochkultur*. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz.
- Belyavskiy, V.A. 1971: *Vavilon legendarnyy i Vavilon istoricheskiy [Babylon Legendary and Historical]*. Moscow.
Белявский, В.А. *Вавилон легендарный и Вавилон исторический*. М.
- Bol'shakov, A.O. 2001: *Chelovek i ego Dvoynik. Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva [Man and His Double. Representation and World View in the Old Kingdom Egypt]*. Saint Petersburg.
Большаков, А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.
- Bol'shakov, A.O. 2003: [Representation and Text: Two Languages of Ancient Egyptian Culture]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–20.
Большаков, А.О. Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры. *ВДИ* 4, 3–20.
- Briant, P. 1982: *Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien*. Besançon.
- Bruun, Chr. 2007: The Antonine Plague and the 'Third-Century Crisis'. In: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crises and the Roman Empire. Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006)*. (Impact of Empire, 7). Leiden, 201–218.
- Bukharin, M.D., Ladynin, I.A., Lyapustin, B.S., Nemirovskiy, A.A. 2009: *Istoriya drevnego Vostoka [A History of Ancient Orient]*. Moscow.
Бухарин, М.Д., Ладынин, И.А., Ляпустин, Б.С., Немировский, А.А. *История древнего Востока*. М.
- Chubaryan, A.O. (ed.) 2011–2017: *Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh [A World History in Six Volumes]*. Vol. I–VI. Moscow.
Чубарьян, А.О. (гл. ред.). *Всемирная история в шести томах*. Т. 1–6. М.
- Clarke, J., Brooks, N., Banning, E.B., Bar-Matthews, M., Campbell, S., Clare, L., Cremaschi, M., di Lernia, S., Drake, N., Gallinaro, M., Manning, St., Nicoll, K., Philip, G., Rosen, St., Schoop, U.-D., Tafuri, M.A., Weninger, B., Zerbini, A. 2016: Climatic Changes and Social Transformations in the Near East and North Africa during the 'Long' 4th Millennium B.C.: A Comparative Study of Environmental and Archaeological Evidence. *Quaternary Science Reviews* 136, 96–121.
- Cline, E. 2014: *1177 B.C.: The Year Civilization Collapsed*. Princeton.
- Dalfes, H.N., Kukla, G., Weiss, H. (eds.) 1996: *Third Millennium BC Climate Change and Old World Collapse*. Berlin–Heidelberg–New York.
- Dandamayev, M.A. 2002: [Disintegration of the State Economy and Privatization Processes in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–22.

- Дандамаев, М.А. Распад государственного хозяйства и процессы приватизации в древней Месопотамии. *ВДИ* 4, 3–22.
- Dementyeva, V.V. 2017: [Categorical Apparatus of the “Roman Revolution” Studies: The Term ‘quasi civitas’ in the Jakov Yu. Mezheritskiy Research]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 752–768.
- Дементьева, В.В. Категориальный аппарат изучения «Римской революции»: понятие quasi civitas в исследовании Я.Ю. Межерицкого. *ВДИ* 77/3, 752–768.
- Diakonoff, I.M. 1971: [Main Features of the Ancient Society (Review Based on the Data of Western Asia)]. In: G.F. Kim (ed.), *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [Problems of the Pre-Capitalist Societies in the Countries of Orient]. Moscow, 127–146.
- Дьяконов, И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). В сб.: Г.Ф. Ким (отв. ред.), *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока*. М., 127–146.
- Diakonoff, I.M. (ed.) 1983: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii*. Ch. 1. *Mesopotamia* [The History of Ancient Orient: Genesis of the Earliest Stratified Societies and the First Centers of the Slave-Ownning Civilization. Pt. 1. *Mesopotamia*]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. Месопотамия. М.
- Diakonoff, I.M. 1990: *Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada* [The Archaic Myths of East and West]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Архаические мифы Востока и Запада*. М.
- Diakonoff, I.M. 1994: *Puti istorii: ot drevneyshogo cheloveka do nashikh dney* [Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. М.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [A Book of Memoirs]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.
- Diakonoff, I.M., Jakobson, V.A. 1998: [Ancient Civil Society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 22–30.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. Гражданское общество в древности. *ВДИ* 1, 22–30.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World]. Vol. I–III. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. 3-е изд. М.
- Diakonoff, I.M., Utchenko, S.L. 1970: [Social Stratification of the Ancient Society]. In: *XIII Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk. Moskva, 16–23 avgusta 1970 g. Doklady* [13th International Congress of Historical Sciences. Moscow, 16–23 August 1970. Papers]. Vol. I. Pt. 3. Moscow, 129–149.
- Дьяконов, И.М., Утченко, С.Л. Социальная стратификация древнего общества. В кн.: *XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады*. Т. 1. Ч. 3. М., 129–149.
- Egorov, A.B. 1985: *Rim na grani vekov: Problemy rozhdeniya i formirovaniya printsipata* [Rome at the Boundary of Ages. Problems of the Origin and Formation on the Principate]. Leningrad.
- Егоров, А.Б. *Рим на грани веков: Проблемы рождения и формирования принципата*. Л.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историкографические очерки*. СПб.
- Gaibov, V.G., Koshelenko, G.A., Serditykh, Z.V. 1992: [The Hellenistic Orient]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad* [Hellenism: East and West]. Moscow, 10–58.
- Гаибов, В.Г., Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. Эллинистический Восток. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 10–58.
- Gunn, J.D. 2000: *The Years Without Summer: Tracing A.D. 536 and its Aftermath*. (BAR International Series, 872). Oxford.
- Jacobsen, Th. 1976: *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion*. New Haven (CT)–London.

- Jakobson, V.A. (ed.) 1997: *Istoriya Vostoka*. T. 1: *Vostok v drevnosti* [*The History of Orient*. Vol. 1: *Orient in Antiquity*]. Moscow.
- Якобсон, В.А. (отв. ред.). *История Востока*. Т. 1: *Восток в древности*. М.
- Jakobson, V.A. 2004: [The Making of Empire and Imperial Ideology at Ancient Mesopotamia]. In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na drevnem Vostoke* [*The State in the Ancient East*]. Moscow, 124–132.
- Якобсон, В.А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (ред.), *Государство на древнем Востоке*. М., 124–132.
- Jakobson, V.A. 2009: [Some Problems in the Periodization of Ancient History]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 148–154.
- Якобсон, В.А. Проблемы периодизации древней истории. *ВДИ* 3, 148–154.
- Jaspers, K. 2017: *Gesamtausgabe*. Bd. I/10: *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Basel.
- Karpyuk, S.G. 2010: *Klimat i geografiya v chelovecheskom izmerenii (arkhaicheskaya i klassicheskaya Gretsiya)* [*Climate and Geography in the Human Dimension (Archaic and Classical Greece)*]. Moscow.
- Карпюк, С.Г. *Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция)*. М.
- Klochkov, I.S. 1983: *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: Chelovek, sud'ba, vremya. Ocherki* [*The Spiritual Culture of Babylonia: Man, Fate, Time. Essays*]. Moscow.
- Клочков, И.С. *Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки*. М.
- Koshelenko, G.A. 1980: [The Economy of Ancient Greece in Contemporary Foreign Literature]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [*Ancient Orient and Classical World*]. Moscow, 115–127.
- Кошеленко, Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе. В сб.: В.И. Кузищин (ред.), *Древний Восток и античный мир*. М., 115–127.
- Kradin, N.N. 2004: *Politicheskaya antropologiya* [*Political Anthropology*]. Moscow.
- Крадин, Н.Н. *Политическая антропология*. М.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [*The Image of Antiquity in Soviet Historiography*]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S. 2020: *Drugaya istoriya: «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [*Another History. The 'Peripheral' Soviet Research of Antiquity*]. Moscow.
- Крих, С. *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Krikh, S.B., Metel', O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli* [*The Soviet Historiography of Antiquity in the Context of the World Historiographic Thought*]. Moscow.
- Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Ladynin, I.A. 2017: "Snova pravit Egipet!" *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [*'Egypt Rules Again!' The Beginning of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. «Снова правит Египет!» *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды*. М.—СПб.
- Ladynin, I.A. 2019: [The Concept of the 'Ancient Orient' in Russian and Soviet Scholarship of the Twentieth Century]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/3, 772–796.
- Ладынин, И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 79/3, 772–796.
- Ladynin, I.A. 2021: ['World Empires' of the Ancient Near East of the First Millennium B.C. in the Theoretical Schemes of Soviet and Post-Soviet Historiography of Antiquity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [*Perm University Herald. History*] 1 (52), 118–128.
- Ладынин, И.А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности. *Вестник Пермского университета. История* 1 (52), 118–128.
- Ladynin, I.A. 2023: ["Slavery 1.0": the Concept of the Ancient Oriental Slave-Ownning Societies in the Works by Vassiliy Struve of 1933–1934 and Its Perspective]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [*The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*] 14/2 (124).

- Ладынин, И.А. «Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В.В. Струве 1933–1934 гг. и ее судьба. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124).
- Lambert, W.G. 1996: *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake (IN).
- Lévêque, P. 1989: *Ellinisticheskiy mir [Hellenistic World]*. Moscow.
- Левек, П. *Эллинистический мир*. М.
- Little, L.K. (ed.) 2007: *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Cambridge.
- Lloyd, A.B. 2014: *Ancient Egypt. State and Society*. Oxford.
- Makhlayuk, A.V. 2015: [Transition from Republic to Empire and the Problem of Roman Civilization]. In: E.G. Megaryan (ed.), *Transformatsionnye protsessy v epochu printsipata. Vkluychenie Rima v osevoe vremya [Transformation Processes in the Principate. Inclusion of Rome into Axial Time]*. Yerevan, 92–120.
- Махлаюк, А.В. Переход от Республики к Империи и проблема римской цивилизации. В сб.: Е.Г. Маргарян (отв. ред.), *Трансформационные процессы в эпоху принципата. Включение Рима в осевое время*. Ереван, 92–120.
- Malyavin, V.V. 2007: *Imperiya uchenykh [The Empire of Scholars]*. Moscow.
- Малявин, В.В. *Империя ученых*. М.
- Maspero, G. 1897: *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*. Vol. II. *Les premières mêlées des peuples*. Paris.
- Masson, V.M. 1976: *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv [Economy and the Social System of the Ancient Societies]*. Leningrad.
- Массон, В.М. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Л.
- McCormick, M., Büntgen, U., Cane, M.A., Cook, E.R., Harper, K., Huybers, P., Litt, Th., Manning, St.W., Mayewski, P.A., More, A.F.M., Nicolussi, K., Tegel, W. 2012: Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientific and Historical Evidence. *Journal of Interdisciplinary History* 43/2, 169–220.
- Melikishvili, G.A. 1975: [The Socio-Economic Structure of Ancient Near Eastern Societies]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 18–45.
- Меликишвили, Г.А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. *ВДИ* 2, 18–45.
- Melikishvili, G.A. 1985: [Principal Stages in the Development of Ancient Near Eastern Society]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–24.
- Меликишвили, Г.А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества. *ВДИ* 4, 3–24.
- Metel', O.V. 2012: *Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920–1990-e gg.) [Soviet Model for the Research of the Original Christianity (1920–1990s)]*. Omsk.
- Метель, О.В. *Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)*. Омск.
- Mezheritskiy, Ya.Yu. 2016: *“Vosstanovlennaya respublika” imperatora Avgusta [Emperor Augustus' Restored Republic]*. Moscow.
- Межерицкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.
- Nemirovskiy, A.I. 1986. *Rozhdenie Klio: u istokov istoricheskoy mysli [The Birth of Clio: At the Start of Historical Thought]*. Voronezh.
- Немировский, А.И. *Рождение Клио: у истоков исторической мысли*. Воронеж.
- Nikiforov, V.N. 1977: *Vostok i vsemirnaya istoriya [Orient and the World History]*. Moscow.
- Никифоров, В.Н. *Восток и всемирная история*. М.
- Prusakov, D.B. 1999: *Priroda i chelovek v drevnem Egipte [Nature and Man in Ancient Egypt]*. Moscow.
- Прусаков, Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М.
- Saprykin, S.Yu. 2017: [Hellenism in the Black Sea Littoral]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* 35, 126–168.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм в Причерноморье. *Боспорские исследования* 35, 126–168.
- Sedov, A.V. (ed.) 2004: *Istoriya drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy [The History of Ancient Orient: From the Early Politics to the Ancient Empires]*. Moscow.
- Седов, А.В. (ред.). *История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй*. М.

- Semenov, Yu.I. 1996: [Rev.: I.M. Diakonoff. Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays. Moscow, 1994]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review] 2, 170–173.
- Семенов, Ю.И. Рец. И.М. Дьяконов. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994. *Этнографическое обозрение* 2, 170–173.
- Sergeev, I.P. 1999: *Rimskaya imperiya v III veke nashey ery. Problemy sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Roman Empire in the Third Century A.D. Problems of the Social and Political History]. Khar'kov.
- Сергеев, И.П. *Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории*. Харьков.
- Shifman, I.Sh. 1987: *Vetkhii Zavet i ego mir* [Old Testament and Its World]. Moscow.
- Шифман, И.Ш. *Ветхий Завет и его мир*. М.
- Shofman, A.S. 1984 (ed.): *Periodizatsiya vseмирnoy istorii* [Periods of the World History]. Kazan.
- Шофман, А.С. (ред.). *Периодизация всемирной истории*. Казань.
- Shtaerman, E.M. 1957: *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* [The Crisis of the Slave-Ownning System in the Western Provinces of the Roman Empire]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи*. М.
- Shtaerman, E.M. 1968: [Ancient Greek and Roman Society. Modernization of History and Historical Parallels]. In: L.V. Danilova (ed.), *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of the Pre-capitalist Societies]. Book 1. Moscow, 638–671.
- Штаерман, Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В сб.: Л.В. Данилова (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Книга 1. М., 638–671.
- Shtaerman, E.M. 1977: [Rev.: M.J. Finley. The Ancient Economy. Berkeley–Los Angeles, 1973]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 165–175.
- Штаерман, Е.М. Рец.: М.Ж. Финлей. The Ancient Economy. Berkeley–Los Angeles, 1973. *ВДИ* 2, 165–175.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From Citizen to Subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kultura drevnego Rima* [The Culture of Ancient Rome]. Vol. 1. Moscow, 22–104.
- Штаерман, Е.М. От гражданина к подданному. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–104.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima* [Social Foundations of the Ancient Roman Religion]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Социальные основы религии древнего Рима*. М.
- Shtaerman, E.M. 1989: [On the Topic of the Rise of the State in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 76–94.
- Штаерман, Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме. *ВДИ* 2, 76–94.
- Smyshlyaev, A.L. 2017: ['Dominatio civilis' as Imagined by Greek Writers and Realized by Roman Authorities]. *Istoricheskii vestnik* [Journal of History]. "Roma: dominatio civilis" 19, 10–49.
- Смышляев, А.Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти. *Исторический вестник*. «Рим: dominatio civilis» 19, 10–49.
- Struve, V.V. 1934: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka* [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М.– Л.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and the Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [The Ancient Polis. A Course]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia. Politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. At the Threshold of a New Age]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsia. Politogenez, politicheskie i pravovye instituty* [Ancient Greece. State-formation, Political Institutions, Law]. (Opuscula selecta, II). Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политогенез, политические и правовые институты*. (Opuscula selecta, II). М.
- Trigger, B. 2003: *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge.

-
- Vasil'ev, L.S. 1983: *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva* [*Problems of Genesis of the Chinese State*]. Moscow.
Васильев, Л.С. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.
- Vigasin, A.A. 1993: [From Antiquity to the Middle Ages. Some Problems of Interpretation of Sanskrit Texts (rejoinder to R.Sh. Sharma)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 72–78
Вигасин, А.А. Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация (по поводу статьи Р.Ш. Шармы). *ВДИ* 3, 72–78.
- Weinberg, I.P. 1993: *Rozhdenie istorii: Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n.e.* [*The Birth of History: Historical Thought at the Near East in the Middle of the First Millenium B.C.*] Moscow.
Вейнберг, И.П. *Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.* М.
- Weiss, H. (ed.) 2017: *Megadrought and Collapse: From Early Agriculture to Angkor*. Oxford.
- Zaytsev, A.I. 1985: *Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n.e.* [*Cultural Revolution in Ancient Greece, 8th–5th Centuries B.C.*] Leningrad.
Зайцев, А.И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э.* Л.
- Zhukov, E.M. (ed.) 1955–1965: *Vsemirnaya istoriya v desyati tomakh* [*A World History in Ten Volumes*]. Vol. I–X. Moscow.
Жуков, Е.М. (гл. ред.). *Всемирная история в десяти томах*. Т. 1–10. М.